Марина КИЕВСКАЯ. "Стихи-йное"

Автор: Оргкомитет
28.03.2013 14:29

Живет в Киеве (Украина). О себе: "Поэт. Окончила факультет режиссуры."

Поэма неба

Про крылатые чудо-качели уже никто не поёт.
Заржавелые крылья, слышен фальшивый скрип.
Подойдёт под окно твоей жизни полтинник – диктор соврёт:
«Минус сорок». Школа. Контрольная. В классе - грипп.

Во дворе детский крик. Мяч - в окне. Ардик - бел. Теперь – Ардальон,
Раскрасневшись, важно садится в пузатый Мерс.
А на месте «Бюро ритуальных услуг» - «Весільний* салон».
Дед Макар держал голубятню над ним. Воскрес…

Видишь, голуби в небе - резные у них хвосты. Надо же!
Прилетают, - память у птиц на родимый дом.
Разлетается эхом крылатое детство на этаже.
Семь часов. Будильник. А я ещё на седьмом
Небе… И высОко
падающим вниз.
Колкая осока,
пухом обернись!
У кого прописка:
«небожительство»,
для того чекистка
натирает ствол.
Ревностно, усердно,
престарательно.
Жить аэрофобам
обязательно
на земле. И только.
Не возьмёшь в кредит
крылья. Бандеролька
может долетит
в небо.А пока что
внеочередной
лозунг на плакате
«Падающим – дно».

Падать ведь не больно,
тяжелей – вставать.
Истине продольной
поперёк – кровать.
И стелили чисто,
только не для тех.
Так ведь атеисты
милостыней грех
окупают втайне.
Так – с небес – на дно.
Знаешь, это крайне
унизительно.
Подставляй корыто -
хватит слёз на всех!
Наших – с глаз размытых,
Боговых – с застрех*.

Кухня, санузел, уборка - по расписанию.
В съёмных квартирах неделя проходит за две.
Ухо соседки услышит пылекасание,
Око просверлит все стены и - быть беде.

Помнишь, тебе говорила: «что же ты делаешь,
Я ведь прикрою собой, если будут стрелять!»
Небо тогда не делилось – падало целое ж! -
Прямо на нашу разваленную кровать.
После чего разливалось матовым заревом…
Крылья – на полке, - незачем было летать.
Утром - постыдный укор во взгляде хозяевом.
Ты говорил мне: «От зависти всё, видать»…

Видели многое. Зримое – не увидели.
Знали о многом, но главное – не учли.
Небо – один из предвестников скорой гибели
Тех, для кого были маями – феврали.

Бесполезно теперь
маяться.
Будет в мае у нас
свадьбица.
Нет давно никакой
разницы -
то ли бес, то ли бог
дразнятся.
То ли смерть, то ли жизнь
пошлая.
Слышишь, тихо поёт
прошлое.
Чересчур были мы
прошены.
И одёжи теперь
сношены.
То ли град, то ли снег –
крошево.
Урожаи давно стожены.
А хлеба-то не все
скошены.
На ноли мы с тобой
множены.
То ли я, то ли ты
прожиты.
Продавали любовь
дёшево -
за чекушку в обед
пьянице.
В понедельник была
пятница.
Ничего уже не

станется.
Не взойдёт по весне
ярица.
На чужой коровай
зариться -
непременно ножом
раниться.
Крылья нам только раз
дарятся.
Не парят – так в мешках
парятся.
Небо под ноги мне
валится.
Я в раю, и в аду –
странница.
То ли жизнь, то ли смерть
тянется.
Надо ль в мае, чтоб так
маяться?

Утро. Сигналят вечные семь ноль пять.
Крошится мел в руке, хоть и пуст кулак.
Стрелки на восемь - прошлое досыпать.
Школа. Экзамен. Ранец тяжёл - трояк.
И бандеролька в небо. Отец - не Бог, –
Богова кара лучше его словца.
Смотришь с повинной. - Выучи назубок!
Всё - бесполезно что-либо отрицать...
Школьный звонок – будильник устал звенеть.
Вместо каникул – пятница на носу.
Molto allegro*! Кофе остыл на треть...
Шум во дворе – рабочий завёл фрезу.

На площадке - строительный ход. Ардальон, закипая,
Всё кричал на прораба: «Каркас для пяти стекломасс!»
И с отчаянной злостью глядели мальки-шалопаи,
Как железные крылья качелей летели в Камаз.

Будут новые песни про новые чудо-качели.
Будет детство всё так же звенеть на далёком седьмом.
Никогда не взрослевшие некогда, помнишь, взлетели?
«Не узнать их»,- вздыхает потрёпанный фотоальбом.

А пока терпеливо чекистка ждёт нового НЭПА,
Зачеркнув отрицание в заповеди «Не убей»,
Дед Макар улыбается детям с февральского неба

И за пазухой греет замёрзших резных голубей.

* Весільний(укр.)-свадебный
* Застреха–свисающий край крыши
* Molto allegro– очень живо,быстро

Не впервые нам

Плыли-плыли и вот приплыли. Сбились с курса - знать, не туда.
Что ж, закусывай трюмной пылью припасённый к финалу ром.
Нам осталось совсем немного до комического суда.
Где решат, на которой рее разразит нас небесный гром.

Помнишь, спьяну казалось солнце
Полумесяцем желторотым.
Не дремалось матросам мёртвым. Дважды в колокол – якорь чист.
И крестился бедняга боцман,
Обливаясь холодным потом.
Видел выход один - за бортом. И "аминь" совпадало с "east"*.

Ты не дрейфь, по большому счёту, каждый третий и есть палач.
Так ли важно, чем он владеет – словом, миром, собой, мечом?
Судьбоносное подаянье – как последнюю из подач -
Отбивали с азартной злостью, выворачивая плечо.

А потом стало тихо. Страшно.
Быть живым среди мёртвых - мерзко.
Кровь боялась бежать по венам, а секундная – по часам.
Страх испуганно дёргал брашпиль*,
Перетаптываясь на месте.
Но швартовные тросы сняты. И попутный был парусам...

Мы приплыли. Плесни на руки! Впрочем, в глотку, - они чисты.
Слышишь, с визгом бежит по мачтам вся крысиная трусо-рать.
Есть легенда - дельфины шепчут, те, что вздёрнуты за хвосты,
Истекая последней кровью:
- Не впервые нам умирать.

* east-восток
* Брашпиль-лебедка для швартовки судна

Плавится сахарок

□□□□□□□□□□□ *А. Башлачёву*

А вода закипит в назначенный срок.
И душа отлетит в намеченный день.
Мне в закрытых глазах привидится Бог.
Нитка счастья слетела – слаб узелок.
Всё одно: незабудки или ревень.
Ровно сорок пригоршней – на бугорок.

Опоздавшие – к стенке. Кончен урок.
По большому кочует смерть-номерок.
Крепость нити давно утратил шнурок.
Всё скучает по пальцу ржавый курок.
И свихнулся, прозрев, твой горе-пророк.
Но всё плавится в пластике сахарок.

Теребит колокольчики ветерок
Под безудержную стрекотню сорок.
Вниз глаза, мой невыполненный зарок.
Солью плавится в пластике сахарок…
Капля – кляксой на главные пару строк.
И – был мир, а теперь… теперь – мирок.